

ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1-93-1(Яснoв М.)
ББК Ш383(2Рoc=Рус)64-8,445

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

ЛИСТЁНОК И СНЕГОПУХ: О НОВЫХ СТИХАХ МИХАИЛА ЯСНОВА

Аннотация. На материале новой подборки в журнале «Урал» детских стихотворений Михаила Яснова рассматриваются особенности поэтического мира, системы персонажей, ритмические приемы выразительности. Стихотворения рисуют детский мир, ближайшее окружение ребенка: семья, природа (дерево под окном, сад, снег, ручей, лужайка) и, как всегда у Яснова, в стихах много живых существ (собака, котенок, ворона, гусенок и др.). Ребенок, с помощью автора, сам делает окружающую действительность доброй, проникнутой сочувствием, восхищением или состраданием. В этом видится огромное воспитательное значение новых стихов Яснова, ведь они исподволь формируют активную позицию ребенка. Делается вывод о сложной эмоциональной атмосфере стихотворений, сочетающей грусть и юмор, рождение и исчезновение. Острый взгляд сочетается с чутким слухом, фиксируются подробности окружающего мира, но есть и ненавязчивое обращение к архетипам. В статье характеризуются жанровые предпочтения автора, роль неологизмов, функция звукописи, рифмовки и строфики, приемы контраста и алогизма. Творчество Яснова воспитывает доброту, сострадание и эстетический вкус ребенка. Представленный анализ может быть полезен учителям младших классов и родителям.

Ключевые слова: детская поэзия; образ ребенка; поэтическое творчество; анализ стихотворений; детские поэты.

N. V. Barkovskaya
Ekaterinburg, Russia

LITTLE LEAF AND SNOWDOWN: ABOUT NEW POEMS OF MIKHAIL YASNOV

Abstract. The article deals with peculiarities of the poetic world, the system of characters, and rhythmical techniques of expressiveness on the basis of a new collection of children's poems by Mikhail Yasnov. The poems depict the children's world and the closest environment of the child: family, nature (a tree under the window, garden, snow, spring, lawn) and, as always, Yasnov's poems abound in living beings (a dog, kitten, raven, gosling, etc.). With the help of the author, the child himself makes the surrounding reality kind, full of sympathy, adoration or compassion. The author believes that this fact renders the new poems by Yasnov a high educational potential because they form the active position of the child. The author makes a conclusion about the complex emotional atmosphere of the poems combining sadness and humor, birth and disappearance. The sharp eye is accompanied by the sensitive ear taking notice of the surrounding world, but the poems also contain references to archetypes. The article describes the genre preferences of the author, the role of neologisms, the functions of recorded sound, rhyme and little verses, and the techniques of contrast and alogism. Yasnov's creative works develop the child's kindness, compassion and aesthetic taste. The presented analysis can be useful for primary school teachers and parents.

Keywords: children's poetry; image of a child; poetical creative activity; analysis of poems; children's poets.

В конце марта 2017 г. гостями Екатеринбургa стали два замечательных детских поэта — Михаил Яснов и Сергей Махотин. Апрельский выпуск журнала «Урал» поместил подборку новых стихов Михаила Давидовича. Каждое из этих 17 стихотворений — изящная словесная (ритмическая и фонетическая) игрушка, каждую можно подолгу разглядывать и повторять, открывая все более интересные особенности поэтики и оттенки смысла.

Перед нами — детский мир, ближайшее окружение ребенка: семья, природа (дерево под окном, сад, снег, ручей, лужайка) и, как всегда у Яснова, много живых существ (собака, котенок, ворона, гусенок, жук, мотыльки, рак, лошадка). Вовсе не обязательно, что это мир уюта и гармонии, но — и это главное! — ребенок, с помощью автора, сам делает окружающую действительность доброй, проникнутой сочувствием, восхищением или состраданием. В этом видится огромное воспитательное значение новых стихов Яснова, ведь они исподволь формируют активную позицию ребенка, так часто, увы, играющего в семье роль избалованного «потребителя» любви и заботы.

В предисловии к своей книге «Путешествие в Чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских

поэтах» автор приводит ответ маленького мальчика на вопрос, для чего ему нужны две руки: «Одна рука нужна, чтобы держать маму, а другая — папу!» [Яснов 2015: 9]. Не секрет, что семья в современном обществе переживает не лучшие времена, и ссоры, обиды, разводы родителей, пренебрежительное отношение к старикам ранят ребенка. Герой стихотворения «Сказка для бабушки» готов сам выстраивать «нашу» семью, «наш» дом, переворачивая гендерные роли бабушки и внука.

Бабушка любит сказки
Слушать по вечерам.
Я почитаю бабушке
То, что придумал сам:
Сказку про нашу кошку,
Сказку про наш дом,
Сказку про маму с папой —
Что им хорошо вдвоем...

Бабушка засыпает,
И я прикрываю дверь.
Сколько всякой работы
Нужно сделать теперь!
Прибраться, помыть посуду,

Сложить рюкзак,
А потом
Придумать сказку на завтра —
Бабушке
Перед сном.
[Яснов 2017: 159].

«Сказовая» интонация (а слово *сказка* повторено 5 раз) создается своеобразной ритмикой: рифмуются четные строки, а нечетные остаются «холостыми», без рифмы — внук серьезен, это не считалка и не скороговорка (игровые жанры, укорененные в детском фольклоре, также присутствуют в подборке).

Мечту о любви и привязанности ребенок проектирует и вовне, видя малышей в распускающихся листьях. Ласковый неологизм «листе́нок» напоминает не только слово «лисе́нок», но и «ребенок», а развернутая в картину метафора исподволь актуализирует архетип «Мирового Древа», у которого есть и кроны, и корни.

По-листья

Как будто из пелёнок,
Из почки молодой
Проклюнулся листёнок —
Весёлый и живой.

Он из кровати вылез,
Еще и мал и гол,
Но вырос, вырос, вырос —
Уткнулся в тёплый ствол.

Впустую не потратив
Отмеренных минут,
Вокруг десятки братьев
Растут, растут, растут!

И утром, из тумана,
И глядя на закат,
Шуршат, как будто «мама»
По-листья говорят.
[Яснов 2017: 159]

Тут выражена мысль о быстротечности жизни, неостановимом жизненном порыве («*растут, растут, растут!*»), о том, что, как говорил Михаил Осоргин в эссе «Россия», лист жив только до тех пор, пока связан со своим деревом. А «листьев» язык можно услышать в последней строфе (когда листья уже подросли): отчетливый певучий ассонанс *И, У* и повтор *А* в словах *тумана, закат, шуршат*, готовящий появление слова *мама*. Можно дополнить вслушивание в звуки цветовыми ассоциациями. Так, К. Д. Бальмонт в статье «Поэзия как волшебство» называл звук *А* самым чистым, ясным, восторженным, как детское восклицание; для него это звук влажный, прозрачный, если окрашен алым, то не ярким, а как бы опаловым. Согласно более строгим научным выкладкам А. П. Журавлева–Ю. В. Казарина [Казарин 2000: 85], *А* у большинства людей вызывает ощущение красного или черного цвета. Можно попросить маленьких слушателей нарисо-

вать иллюстрацию к этому стихотворению. Цвет листочка не назван в стихотворении, но звук *Ё (jo)*, пронизывающий первую строфу, дает ощущение светло-зеленого, а в конце стихотворения слову *мама* сопутствует яркий, красный тон благодаря скоплению *А, Я*. И сам М. Яснов полагает, что «в детских стихах не обойтись без цветных звуков и больших букв» [Яснов 2015: 22].

В подборке новых стихов показаны все времена года, что традиционно для детской поэзии. Но это не просто наблюдения над природой, это стремление увидеть именно красоту одухотворенного мира. Несколько стихотворений даже показывают игровое преобразование мусора, выставленного напоказ растаявшим снегом: арбузная корка с застрявшими семечками, яичная скорлупа со следом желтка видятся ребенку корабликами, отправляющимися в плавание по весенним ручьям.

В книге «Путешествие в Чудетство» Яснов замечает, что для классической детской поэзии важна острота взгляда: «Сюжет “природа глазами ребёнка” требовал присутствия всех трех составляющих — не только “природы” и “ребёнка”, но и внимательного “глаза”» [Яснов 2015: 44]. Удивительно точно увидена картина первого снега в стихотворении «Снегопад»:

Свет
Спустился
Сверху вниз:
Это снег
В саду
Повис!
Побелели
Ветки
От такой
Подсветки.
Чем темнее высота,
Тем светлей
Аллеи...
Вот какая красота — Посмотри
Скорее!
[Яснов 2017: 162]

Если учитывать характер рифмовки, то в стихотворении должно быть 8 строк: первое четверостишие (изобразительное по содержанию) с парной рифмовкой, второе (обобщение импрессионистической картины) — с перекрестной. Но автор не случайно разбил строки, так визуально прочерчивается линия сверху вниз: свет-снег нисходит на деревья сада, подсвечивая их своим сиянием (отметим отчетливую аллитерацию на звук *С*). Вторая часть стихотворения снова соотносит небо и землю, но уже по контрасту: *чем темнее высота, тем светлей аллеи* и приглашает скорее полюбоваться этой красотой — ведь первый снег лежит недолго и быстро тает, его красота трепетна и мимолетна. В целом образ мира здесь объединяет свет и тьму, небеса и землю в едином взгляде-восприятии. Гармонию улавливает человек, доброжелательно открытый окружающему.

М. Яснов утверждает: «Детская поэзия — это не только игра; это воспитание сострадания, сочувствия и умения эстетически воспринимать жизнь» [Яснов 2015: 10]. В «уральской» подборке немало стихотворений о «ребятах и зверятах». Одни из них подчеркивают домашний уют, например:

Музыка

У котёнка Мурзика,
Как в игрушке, музыка.

На спине разлётся котик,
На меня глядит вприщур:
Нажимаю на животик —
Он в ответ мне «муррр» да «муррр»!
[Яснов 2017: 163]

В основе образного уподобления лежит созвучие слов «музыка», «Мурзика», «муррр». Очень выразителен жест маленького ребенка — он не гладит кота, а нажимает ему на животик, который у котенка такой же кругленький, как у самого малыша. Котенок охотно поддерживает игру, затеянную ребенком, они понимают друг друга.

А вот стихотворение «Зимний романс» представляет собой монолог бродячей собаки, даже ее жизненное кредо.

Я — собака-попрошайка,
Нас таких большая шайка.
Дайте косточку погрызть —
Вот и вся моя корысть.

Безымянна и бездомна,
Но зато земля огромна:
Там поешь, а там поспишь,
А кругом — всё «кыш» да «кыш»!

Снег ложится час за часом.
Магазины пахнут мясом.
Пар выходит из ноздрей.
Нюх становится острей.
[Яснов 2017: 158]

Жанровое определение «романс» настраивает на светлый, романтический лад. Однако в начале стихотворения нагнетается лексика с негативным значением: *попрошайка*, *шайка* (разбойничья), *корысть*. Эта собака — существо из чужого, враждебного мира. Вторая строфа взывает к сочувствию и преодолению отчуждения (собака без имени, без дома, всеми гонима), вместе с тем, собака свободна, ее дом — вся огромная земля. Заключительная строфа противопоставляет сытых и голодных, тепло и зимний холод. Последняя строчка очень точно передает физиологию — на холоде нюх собак, действительно, обостряется. Но есть и более обобщенный смысл, напоминающий поговорку «сытое брюхо к ученому глухо», образ жизни собаки переключается с позиций античных стоиков: аскетизм, нестяжательство, пренебрежение материальными благами — ради духовной свободы и независимости. Взрослый читатель, возможно, увидит и социально-конкретный иносказательный смысл стихотворения.

Ребенка стихотворение учит не презирать высокомерно тех, кто не преуспел в жизни, что особенно важно сегодня, при резко выраженном неравенстве очень обеспеченных и тех, кто находится за чертой бедности.

«Ворона» — слово-обзывательство, использующееся с целью унижить человека, прозевавшего (проворонившего) счастливый шанс, глуповатого (согласно классической басне Ивана Крылова), неоправданно одетого. Но вот у Яснова дети обращаются к вороне на «Вы», называют ее «наша Карковна». Ворона уподобляется немолодой дворничихе, которой листопад доставляет много хлопот: она ходит по краю газона, сметает мусор, который накалили березы и клёны, она устала подбирать за ними. В этой миниатюре также выражено сочувствие тому, кому приходится ежедневно делать необходимую, но не престижную работу. Можно вместе с ребенком рассмотреть изображение вороны на картинке или фотографии, подумать, какие особенности ее оперения ассоциативно напоминают женщину в теплом платке, с неровной походкой, сутуловатой (значит, много пришлось потрудиться в жизни)... Хотя, конечно, в стихотворении есть элемент игры или шутки — вот как мы можем очеловечить простую городскую птицу, разыграть диалог с ней.

При изображении погодных (сезонных) явлений в природе идея сочувствия, обратимости удачи и несчастья, радости и горя, молодости и старости, в конечном итоге — жизни и смерти обобщается от вечных законов мироздания, выходящих за пределы круга людей или животных. Так, стихотворение с очень мажорным названием «Скоро весна» показывает, что возрождение и ликование природы сопряжено с умиранием снега, когда-то принесшего на землю небесный свет и красоту. Он должен превратиться в воду, впитаться в землю, помочь расти травам, цветам, деревьям.

На опушке снег опух,
Быстро-быстро тает.
Над опушкой снегопух
Медленно летает.

Ветер сбил беднягу с лап
Придорожных ёлок.
Снегопух совсем ослаб,
Путь на землю долог.

У него печальный вид,
Он и сам не знает,
То ли он летит, летит,
То ли тает, тает...
[Яснов 2017: 162]

Но поэт соблюдает чувство меры, и печальный смысл картины смягчается стиховой формой: четкий хорей, чередование трехстопных и четырехстопных строк, точная перекрестная рифмовка с классическим чередованием мужских и женских окончаний, забавное «пластилиновое» слово *снегопух*, соединившее два слова из первой строки. Очень выразительна игра антитезами: *быстро-быстро* и *медленно*, причем характеристика движе-

ния акцентируется и положением этих слов в начале строк (на фоне глагольной рифмы *тает-летает*, почти не останавливающей внимание), и ритмическим рисунком: строка «*быстро-быстро тает*» действительно быстрая (трехстопный хорей без пиррихий), тогда как в строке «*медленно летает*» пиррихий на второй стопе (пропуск схемного ударения) замедляет темп, между двумя ударными слогами оказываются три безударных слога, к тому же ударное *Е* в первом слове продлено еще четырьмя *Е*: *мЕдлЕнно ЛЕтаЕт* (о медленном слове «медленно» писал Е. Г. Эткинд [Эткинд 2001: 154]). Необычна составная рифма (*с лап — ослаб*), а последние две строки — чистое пение весеннего ручья, благодаря выразительной звукописи: чередование согласных *Т* и *Л* дополняется ассонансом:

о — и — о — е — и — е — и
о — и — а — е — а — е

Михаил Яснов поясняет: «... детская поэзия — дело штучное, вот она и пытается противостоять серийному производству культуры, поскольку занимается воспитанием гармонии через образ и слово» [Яснов 2015: 61].

Игра словами у Яснова — виртуозна. Отчетливый для ребенка прием — контраст, подчеркнутый сходством звучания слов и четким ритмом. Вот, например, едут со двора две коляски:

У Саши — погремушки.
У Маши — погремушки.

У Саши столько грома!
У Маши — тишь да дрема.

Не мешайте Саше
Ехать и греметь!

Не мешайте Маше
Тихий сон смотреть...
[Яснов 2017: 161]

Иногда антонимы выступают в роли «перевертышей»: длинная шея гусенка позволяет смотреть и на то, что спереди, и на то, что сзади; рак поучает своих малышек «Кто назад ползёт, / Тот / Всегда приползёт / Вперед!». В стихотворении «Кто куда» автор жонглирует именами, совсем как в детской игре «Я знаю пять имен...»:

Варю с Валею
К Ване звали,
Галю с Ваней
Звали к Вале,
Колю — к Тоне,
Олю — то ли
Звали к Поле,
То ли к Толе.
[Яснов 2017: 160]

В «Песенке на лужайке» отметим «пластилинные» слова и песенные дактилические окончания, обилие уменьшительных форм:

Лошадь Дуся,
Лошадуся,
Лошадусечка,
Вся ты, Дуся-лошадуся,
Как игрушечка!
Я с тобою,
Дорогою,
Встану рядышком —
Угощу тебя,
Лошадуська,
Оладышком! (...)

А стихотворение «Для чего жуку рога?», в общем-то, напоминающее грустным смыслом известное «Идет бычок, качается...» Агнии Барто, все же звучит весело благодаря алогизму: первые две строки каждой строфы логически не связаны с двумя вторыми, по принципу фольклорных нескладушек. Попутно ребенок учится классифицировать, объединять слова по признаку сладкие фрукты — горькие (кислые) овощи.

До чего же курага
Сладкая на диво!
Для чего жуку рога?
Чтобы жить красиво!

Апельсин, банан, лимон,
Яблоки и груши.
Всех отважней в мире он,
Всех сильнее на суше!

Но дойдёт до речки жук —
И конец дорожке...
Клюква, брюква, редька, лук,
Где вы, рожки-ножки?
[Яснов 2017: 163]

Казалось бы, в стихотворении звучит мораль: «как веревочке не виться, а конец будет», т.е. стремление жить красиво часто не кончается добром. Но что объединяет жука и фрукты? Только созвучие слов, смешная рифма: «*До чего же курага (...)* Для чего жуку рога?».

Есть в подборке новых стихотворений скороговорка про жонглера, демонстрирующая, как нам кажется, важнейшие принципы поэтики самого Михаила Яснова: артистизм, мастерство, праздничность, словесную ворожбу и, что немаловажно, демократизм.

Жонглёр жонглирует шарами,
Он окружён прожекторами,
Жонглёр шарами дорожит,
Он над словами ворожит.
Жонглёр шарами выражает
То, что пришедших поражает.
[Яснов 2017: 163]

Подборка стихов в журнале «Урал» озаглавлена: «До встречи!». Мы надеемся, что новая встреча и с автором, и с его чудесными стихами обязательно состоится!

ЛИТЕРАТУРА

Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста : учеб. пособие. — Екатеринбург : Издат. Урал. ун-та, 2000. — 172 с.

Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. — СПб. : «Знание», 2001. — 448 с.

Яснoв М. До встречи! *Новые стихи* // Урал. — 2017. — № 4. — С. 158–163.

Яснoв М. Д. Путешествие в чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / Оформление Д. Плаксина. — СПб. : Союз писателей СПб.; Фонд «Дом детской книги», 2015. — 360 с.

REFERENCES

Kazarin Yu. V. Problemy fonosemantiki poeticheskogo teksta : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Izdat. Ural. un-ta, 2000. — 172 s.

Etkind E. G. Razgovor o stikhakh. — SPb. : «Znanie», 2001. — 448 s.

Yasnov M. Do vstrechi! Novye stikhi // Ural. — 2017. — № 4. — S. 158–163.

Yasnov M. D. Puteshestvie v chudetstvo. Kniga o detyakh, detskoy poezii i detsikh poetakh / Oformlenie D. Plaksina. — SPb. : Soyuz pisateley SPb.; Fond «Dom detskoy knigi», 2015. — 360 s.

Данные об авторе

Нина Владимировна Барковская — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

About the author

Nina Vladimirovna Barkovskaya, Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).